

ПРИГОВОР по делу №1- 379
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

г. Всеволожск

28 сентября 2010 г.

Всеволожский городской суд Ленинградской области в составе судьи Большакова А.К. с участием государственного обвинителя прокурора Всеволожской городской прокуратуры Ч [REDACTED], подсудимого Г [REDACTED], защитника Левкина С.В., представившего удостоверение № 265 и ордер № 193487, при секретаре В [REDACTED], рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело по обвинению

Г [REDACTED], родившегося 05 мая 1975 года в г. Ленинграде, гражданина РФ, имеющего высшее образование, кандидата медицинских наук, женатого, имеющего ребенка 23.03.2004 г.р., не судимого, работающего заведующим лабораторией ООО «МСЧ работников нефтегазового комплекса», проживающего по адресу: г. Санкт-Петербург, пр. Наставников, д.29, корпус 1, кв.164, в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30 и ч.2 ст.291 УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

Г [REDACTED] органом предварительного следствия предъявлено обвинение в совершении покушения на дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконного бездействия.

Согласно обвинению, изложенному в обвинительном заключении, преступление совершено при следующих обстоятельствах.

13 июля 2010 г. около 16 часов 40 минут на 7 км+400 метров автодороги Санкт-Петербург – Морье (Дорога жизни) во Всеволожском районе Ленинградской области, будучи остановлен инспектором ДПС ОР ДПС ГИБДД по Всеволожскому району старшиной милиции С [REDACTED] в связи с совершением при управлении автомобилем «Nissan Primera» государственной номерной знак Н 610 ТА 98 РУС административного правонарушения, предусмотренного ч.3 ст.12.9 КоАП РФ и будучи приглашен для составления постановления по делу об административном правонарушении в салон служебной автомашины ГИБДД «Ford Focus» государственной номерной знак О 4433 78 РУС, в указанном месте автодороги, расположенном в г. Всеволожске на перекрестке Дороги жизни и ул. Культуры, в период с 16 часов 40 минут до 16 часов 55 минут, Г [REDACTED], желая избежать привлечения к административной ответственности, с целью подкупа должностного лица попытался передать инспектору ДПС С [REDACTED] взятку в виде 500 рублей за прекращение составления постановления по делу об административном правонарушении и непривлечение его к административной ответственности, то есть, за заведомо незаконное бездействие, положив денежную купюру достоинством 500 рублей в салоне указанной автомашины рядом с инспектором ДПС С [REDACTED] и выразив при этом в словесной форме свое намерение передать С [REDACTED] взятку. Преступный умысел не был доведен до конца по независящим от подсудимого обстоятельствам в связи с тем, что в момент попытки вручить деньги он был задержан сотрудниками ОБЭП УВД по Всеволожскому району.

Подсудимый Г [REDACTED] вину в совершении преступления не признал и показал, что 13 июля 2010 г., остановив его на Дороге жизни, инспектор ДПС С [REDACTED] сказал, что он превысил скорость, и предложил пройти в машину обсудить сумму штрафа. Полагая, что он должен заплатить штраф на месте и не зная, какой штраф предусмотрен за то правонарушение, которое усмотрел в его действиях инспектор ДПС, он назвал сумму 200 рублей, на что инспектор отрицательно покачал головой, что он воспринял как знак того, что сумма недостаточна, назвал сумму 300 рублей, после отрицательного кивка назвал сумму 500 рублей и получив в ответ утвердительный кивок, положил рядом с инспектором 500-

рублевую купюру. Через полминуты дверь автомобиля открыли сотрудники ОБЭП и его стали обвинять в даче взятки. Он взятку инспектору ДПС не предлагал, а полагал, что уплачивает штраф, за который ему будет выписана квитанция.

Показания подсудимого не выглядят убедительными, тем не менее, суду не представлены доказательства, опровергающие выдвинутую им версию, поскольку уголовное дело не содержит других доказательств, отвечающих требованиям допустимости, на которых можно было бы основывать обвинительный приговор.

Основанием для возбуждения уголовного дела явились результаты оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», о чем указано, в частности, в рапорте заместителя руководителя следственного отдела по г. Всеволожску Б [REDACTED], явившемся поводом для возбуждения уголовного дела (т.1 л.д.4). Они же, а также производные от них доказательства использованы следователем для доказывания виновности Г [REDACTED] в совершении инкриминируемого ему преступления.

В обвинительном заключении указано, что в основу обвинения об обнаружении признаков преступления положены: результаты ОРМ – оперативного эксперимента, в ходе которого была осуществлена звуко- и видеозапись передачи Г [REDACTED] денег в сумме 500 рублей ИДПС С [REDACTED], результаты осмотра и прослушивания видео- и звукозаписей, сделанных во время проведения ОРМ, выписка из приказа ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 18.05.2010 г. № 257 «О проведении на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области межведомственной комплексной оперативно-профилактической операции «Мак», протокол оперативно-розыскного мероприятия – обследования транспортного средства, в ходе которого в автомашине ГИБДД между передними сиденьями у рукоятки переключения скоростей была обнаружена купюра достоинством 500 рублей, результаты осмотра купюры и документов, изъятых в ходе обследования транспортного средства, а также показания свидетелей С [REDACTED], К [REDACTED], Г [REDACTED], Г [REDACTED], О [REDACTED], Ш [REDACTED] и Г [REDACTED].

В предварительном слушании судом из числа доказательств, подлежащих исследованию, были исключены документы, составленные в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», а также протокол осмотра и прослушивания видео- звукозаписей, сделанных при его проведении. Суд признал их недопустимыми для доказывания на основании ст.89 УПК РФ в силу того, что оперативно-розыскное мероприятие «оперативный эксперимент» было проведено не в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: без предусмотренного ч.7 ст.8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» надлежаще оформленного постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в котором имелось бы разрешение на проведение ОРМ «оперативный эксперимент», а также при отсутствии предусмотренных ст.7 указанного Федерального Закона оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе и для оперативного эксперимента, в силу отсутствия у органа дознания сведений о совершении какого-либо преступления конкретным лицом, в отношении которого возможно было проведение проверочных действий.

Исследовав в судебном заседании другие доказательства, приведенные в обвинительном заключении, суд приходит к выводу о том, что они также не могут использоваться для доказывания виновности подсудимого Г [REDACTED] поскольку являются производными от результатов оперативно-розыскной деятельности, ранее исключенных судом, и потому не отвечают принципу допустимости.

А именно.

Свидетели К [REDACTED], Г [REDACTED], Г [REDACTED] – сотрудники ОБЭП КМ УВД по Всеволожскому району, и О [REDACTED] – оперуполномоченный ОУР КМ Всеволожского УВД показали суду, будто они оказались на месте происшествия в момент совершения преступления Г [REDACTED], участвуя в проведении операции «Мак», направленной на выявление лиц, осуществляющих незаконную перевозку наркотических средств, и обна-

ружение путем наблюдения по монитору ноутбука за происходившим в салоне автомобиля ГИБДД, покушения на дачу взятки явилось для них неожиданностью, не предусмотренной планом проводимой операции.

Показания свидетелей в данной части не вызывают у суда доверия, поскольку они явно не соответствуют обстоятельствам проведения ОРМ, и, кроме того, опровергаются показаниями незаинтересованных свидетелей, участвовавших в проведении оперативного эксперимента в качестве представителей общественности: Ш [] и Г [], которые показали суду, что их пригласили поучаствовать в выявлении и фиксации случая дачи взятки инспектору ДПС и пояснили, что это не займет много времени; про участие в какой-либо операции, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, им не говорили; действия инспектора ДПС на дороге свелись к тому, что он остановил две автомашины за превышение скорости, составив в отношении первого водителя какой-то документ. Несоответствие же показаний сотрудников милиции обстоятельствам проведения оперативно-розыскного мероприятия заключается в том, что видеокамера и диктофон были установлены в салоне автомобиля ГИБДД, куда инспектор ДПС С [] приглашал остановленных им за нарушение правил дорожного движения водителей. Никакого значения для выявления и фиксации фактов незаконной перевозки автотранспортом наркотических средств эта аппаратура иметь не могла; ее местонахождение явно указывает на то, что целью ее установки являлись обеспечение возможности скрытно наблюдать и записывать события и разговоры, происходящие в салоне на двух передних сидениях автомобиля между инспектором ДПС и водителями, которых он усаживал рядом с собой. Никто из допрошенных свидетелей не объяснил суду, каким образом инспектор ДПС, находясь один на дороге, мог и должен был выявлять случаи незаконной перевозки наркотических средств. Кроме того, у сотрудников ОБЭП не было никакой необходимости таиться от лиц, вызывающих подозрение на предмет возможной причастности к перевозке наркотических средств, наблюдая из другой машины по видео за тем, что происходит в салоне автомашины ГИБДД; тогда как предоставление С [] возможности беседовать с провинившимися водителями как бы «с глазу на глаз» создавало благоприятные условия для того, чтобы у задержанных водителей мог возникнуть соблазн попытаться «договориться» с инспектором наедине о непривлечении к административной ответственности.

О том, что оперативно-розыскное мероприятие проводилось с очевидной целью: выявления случаев покушения на дачу взятки водителями инспектору ДПС, свидетельствует и состав участников оперативной группы, состоявшей, главным образом, из сотрудников ОБЭП, которые и явились инициаторами оперативно-розыскного мероприятия, судя потому, что постановление о проведении ОРМ было вынесено старшим оперуполномоченным ОБЭП С [] и согласовано с начальником ОБЭП М [] (т.1 л.д.11), этой же службой был составлен План проведения ОРМ (т.1 л.д.13-14). Свидетели Г [], К [], Г [] не дали убедительных объяснений того, какое отношение проверка водителей на предмет перевозки ими наркотических средств имеет к деятельности отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Не объясняет необходимость участия в данной форме сотрудников ОБЭП в операции «Мак» и выписка из приказа ГУВД от 18.05.2010 г. № 257, согласно которой было запланировано в период с 01.06. по 15.08.2010 г. проводить выявление и уничтожение незаконных посевов и очагов произрастания дикорастущих растений, содержащих наркотические вещества, а основная роль в проведении всей операции отводилась сотрудникам уголовного розыска (т.1 л.д.42-45).

Таким образом, у суда не вызывает сомнений то, что свидетели К [], Г [] и О [] осуществляли оперативно-розыскное мероприятие во все не с теми целями, о которых было заявлено в постановлении от 13.07.2010 г. о проведении оперативного эксперимента, утвержденном начальником криминальной милиции УВД по Всеволожскому району (т.1 л.д.11), и которые они указали, давая показания суду.

Свидетель С [] также показал суду, будто считал, что участвует в проведении операции «Мак». Однако при этом не смог сколько-нибудь убедительно объяснить суду, в

чем должно было заключаться его участие в данной операции, почему видеокамера и диктофон были установлены сотрудниками ОБЭП в салоне его автомобиля, каким образом они, находясь там, могли способствовать выявлению случаев перевозки наркотических средств, и почему оперативные сотрудники ОБЭП и уголовного розыска, присутствовавшие, якобы, в целях обеспечения его безопасности в ходе проведения операции, обеспечивали ее на расстоянии, находясь в другом автомобиле, а не в салоне его автомобиля.

Между тем, согласно Постовой ведомости расстановки нарядов дорожно-патрульной службы на 13 июля 2010 г., утвержденной начальником ОГИБДД, в этот день С [] должен был находиться в пешем наряде и осуществлять охрану УВД (т.1 л.д.37-38).

Свидетель С [] показал, что с утра 13.07.2010 г. он действительно осуществлял охрану автомобильной стоянки перед зданием Всеволожского УВД, а после обеда командир роты поручил ему взять служебную автомашину и принять участие в операции, проводимой сотрудниками ОБЭП, которые оборудовали его автомобиль аппаратурой для осуществления звуко- и видеозаписи. Какими-либо документами то, что С [] полномочным должностным лицом был официально включен в состав оперативной группы, проводившей ОРМ, либо что ему в этот день руководством было поручено осуществлять деятельность по линии ГИБДД на автодороге Санкт-Петербург – Морье, не установлено. Между тем, инспектор ДПС ГИБДД не является сотрудником криминальной милиции, и не мог без официального приказа руководителя милиции общественной безопасности или РУВД принимать участие в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых другим органом дознания.

Таким образом, судом установлено, что 13 июля 2010 г. на 7 км + 400 метров «Дороги жизни» С [] находился не в соответствии с расстановкой нарядов для исполнения функций, входящих в должностные обязанности инспектора ДПС, а в связи с участием в оперативном эксперименте, сценарий которого предусматривал задержание инспектором ДПС водителей, нарушивших Правила дорожного движения, в ожидании предложения кем-либо из них взятки за непривлечение к административной ответственности с целью фиксации такого предложения на видео- и звукозаписывающую аппаратуру, что и являлось истинной целью оперативно-розыскного мероприятия, именуемого «оперативным экспериментом». При этом суду не представлено доказательств того, что этой деятельностью С [] занимался на основании распоряжения должностного лица, уполномоченного давать ему указания и санкционировать производство оперативно-розыскных действий.

То, что в ходе оперативного эксперимента С [] останавливал водителей, превысивших скорость, и составлял документы о привлечении их к административной ответственности, не меняет сути происшедшего, так как выполнение этих функций в той ситуации являлось исполнением роли в сценарии, разработанном сотрудниками ОБЭП, а не было обусловлено его непосредственной служебной деятельностью как сотрудника ГИБДД.

О том, что С [] является инспектором ДПС, известно только из его показаний. В материалах уголовного дела не имеется каких-либо документов, подтверждающих назначение С [] на эту должность. Не оглашены прокурором в судебном заседании и какие-либо документы, свидетельствующие о должностных полномочиях С [], вследствие чего должным образом не подтверждены его полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

Из материалов уголовного дела следует, что Г [] не был привлечен к административной ответственности за то нарушение, в связи с которым он, согласно показаниям свидетеля С [], был задержан, даже несмотря на представление, внесенное 20.07.2010 г. следователем начальнику УВД (т.1 л.д.96-97). В материалах уголовного дела не имеется сведений о привлечении Г [] к административной ответственности по ч.3 ст.12.9 КоАП РФ за нарушение, допущенное 13.07.2010 г., и свидетель С []

показал, что он ни протокол, ни постановление, ни рапорт, дающий основание для их составления другим сотрудником ГИБДД, не писал.

Данное обстоятельство подтверждает, что целью нахождения С [] на дороге было не выявление нарушений ПДД со стороны водителей и привлечение их к ответственности за нарушения правил дорожного движения, а выявление и фиксация случаев предложения взятки. Как только такой случай был выявлен – на этом деятельность С [] как сотрудника ГИБДД закончилась, и даже привлечение выявленного нарушителя к предусмотренной законом ответственности за нарушение ПДД не было доведено до конца.

В связи с этим не убедительно выглядит обвинение Г [] в том, что он покушался на дачу взятки инспектору ДПС за совершение тем заведомо незаконного бездействия: непривлечение его к административной ответственности по ч.3 ст.12.9 КоАП РФ. Попытка дать взятку была пресечена, тем не менее, Г [] к административной ответственности привлечен не был. Получается, что С [] «заведомо незаконное бездействие» совершил и без получения какой-либо взятки. Объяснение С [] о том, что постановление не было вынесено из-за того, что сотрудники ОБЭП изъяли у него недооформленный бланк постановления, не выглядит убедительно, так как указанное обстоятельство не могло служить препятствием для того, чтобы вынести постановление на другом бланке или составить протокол об административном правонарушении.

Поскольку не имеется никаких документов, подтверждающих факт совершения Г [] административного правонарушения, предусмотренного ч.3 ст.12.9 КоАП РФ, остается открытым вопрос о том, совершил ли Г [] правонарушение, предусмотренное данной статьей – юридически данный факт не установлен.

Незаполненный до конца бланк постановления, изъятый 13.07.2010 г. оперуполномоченным ОБЭП Г [] у С [] доказательством совершения Г [] административного правонарушения не является, равно как не могут учитываться в качестве доказательств виновности Г [] в совершении преступления протокол оперативно-розыскного мероприятия – обследования транспортного средства (т.1 л.д.16-22), протокол осмотра предметов и документов (т.1 л.д.80-82), копии незаполненного бланка постановления по делу об административном правонарушении (т.1 л.д.83) и денежной купюры (л.д.84), являющиеся производными от результатов оперативно-розыскного мероприятия – «следственного эксперимента», проведенного с нарушением закона.

Показания всех свидетелей, являвшихся участниками оперативного эксперимента и действовавших (включая С []) в рамках данного оперативного эксперимента и строго в соответствии с его целями и задачами, являются производными от результатов оперативно-розыскного мероприятия – оперативного эксперимента, проведенного с нарушением закона, в связи с чем на основании ч.1 ст.75 УПК РФ не могут учитываться в качестве доказательств при вынесении приговора.

Суд не может согласиться с высказанным в обвинительном заключении мнением следователя, о том, что, хотя оперативный эксперимент проводился не в отношении Г [], полученные в ходе его проведения звуко- и видеозаписи могут использоваться в качестве доказательств по данному уголовному делу, нарушений закона при проведении следственного эксперимента не допущено, сотрудники УВД действовали в соответствии с требованиями ст.ст.2,10 Закона РФ «О милиции» и, обнаружив совершаемое преступление, обязаны были принять меры к его пресечению.

Условия и порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности регламентируются Федеральным Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а не Законом «О милиции», ст.ст. 2 и 11 которого предусматривают общие обязанности милиции, а не способы и методы их реализации. При этом и Закон «О милиции» предусматривает обязанность милиции при осуществлении своей деятельности действовать в строгом соответ-

ствии с действующими законами, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Ст.8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших при наличии оснований, предусмотренных в ст.7 данного Закона.

Как отмечено выше, суд пришел к выводу, основанному на показаниях свидетелей Ш [REDACTED], Г [REDACTED], обстоятельствах проведения ОРМ, о том, что в действительности так называемый «оперативный эксперимент», результаты которого явились основанием для возбуждения уголовного дела, проводился не в отношении неопределенного круга лиц, занимающихся незаконной перевозкой наркотических средств, как это продекларировано в постановлении о проведении оперативного эксперимента (т.1 л.д.11), а в отношении неопределенного круга лиц-водителей с целью выявления и фиксации случая покушения на дачу взятки инспектору ДПС. Проведение «оперативного эксперимента» в отношении неопределенного круга лиц при отсутствии конкретных сведений о наличии признаков готовящегося, совершенного или совершаемого преступления в любом случае было незаконным в силу отсутствия в резолютивной части указанного выше постановления на то, проведение каких ОРМ им разрешено, а также оснований для проведения оперативного эксперимента, предусмотренных ст.7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако проведение оперативно-розыскного мероприятия в одних целях с декларированием иных оснований и целей незаконно вдвойне, так как изначально предусматривает дезинформацию следственных органов и суда о фактических обстоятельствах, имеющих значение для правильной оценки законности оперативно-розыскного мероприятия, то есть основано на обмане, который прямо противоречит предусмотренному ст.5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» запрету фальсифицировать результаты оперативно-розыскной деятельности, и повлекло, по убеждению суда, неправдивость свидетелей - сотрудников милиции, вынужденных при даче показаний суду придерживаться той версии, которая была избрана при оформлении документов о проведении ОРМ.

Ст.23 Конституции РФ предусматривает право каждого на неприкосновенность частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Осуществление наблюдения за переговорами граждан с инспектором ДПС и запись их разговоров при осуществлении оперативно-розыскного мероприятия с нарушением положений, предусмотренных ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», без уведомления граждан об осуществлении такого наблюдения и записи, при том, что у сотрудников милиции не имелось никаких сведений о совершении этими гражданами (в том числе Г [REDACTED]) противоправных действий и в связи с этим не имелось законных оснований проводить в отношении них какие-либо оперативно-розыскные мероприятия, является необоснованным вторжением в частную жизнь граждан.

Фиксация с использованием видео- и звукозаписывающей аппаратуры результатов оперативно-розыскного мероприятия, проводимого под видом оперативного эксперимента, без предусмотренных законом оснований, надлежаще оформленного постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, без указания действительных целей мероприятия, с указанием надуманных оснований для его проведения, нарушающая конституционное право граждан на частную жизнь, не может быть признана законной и обоснованной. Равно как само оперативно-розыскное мероприятие не может быть признано законным, и любые его результаты не могут использоваться для доказывания обстоятельств по уголовному делу.

При таких обстоятельствах суд приходит к выводу о том, что доказательства виновности Г [REDACTED] в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30 и ч.2 ст.291 УПК РФ, суду не представлены. Показаниями подсудимого Г [REDACTED] установлено, что он пытался вручить С [REDACTED] деньги в сумме 500 рублей, но не опровергнуто

7 116

утверждение подсудимого о том, что таким образом он намеревался уплатить штраф, и не доказано, что данные действия были направлены на дачу взятки должностному лицу за совершение им заведомо незаконных действий в интересах взяткодателя. Поэтому событие преступления не может считаться установленным, и подсудимый подлежит оправданию.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст.303-305, 309 УПК РФ, суд

ПРИГОВОРИЛ:

Г [REDACTED] по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30 и ч.2 ст.291 УК РФ оправдать в связи с неустановлением события преступления.

Вещественные доказательства: денежную купюру достоинством 500 рублей – вернуть Г [REDACTED], два диска, приложенные к уголовному делу и 3 экземпляра постановления об административном правонарушении - уничтожить.

Признать за [REDACTED] право на реабилитацию.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Ленинградский областной суд в течение 10 суток со дня провозглашения.

Судья

